

Общество Науки и Творчества

**РАСЦВЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ. ОТ «ГРАЖДАНСКОГО
ГУМАНИЗМА» АРЕТИНО
К «ГОСУДАРСТВЕННОМУ ИНТЕРЕСУ»
МАКИАВЕЛЛИ**

*Сопов Александр Валентинович,
Майкопский государственный технологический
университет, г. Майкоп*

E-mail: avsofov@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу политических идей двух великих флорентийцев: Леонардо Бруни Аретино и Никколо ди Бернардо Макиавелли. Автор обосновывает мысль, что оба они были не только практикующими политиками, но и титанами Возрождения и великими гуманистами. Творчество первого из них оказалось в тени достижений других ренессансных фигур, а второй остался в истории с незаслуженно приписанными ему качествами и высказываниями. Статья не претендует на то, чтобы расставить все точки над «i», но автор желал воздать должное.

Ключевые слова: итальянский гуманизм, эпоха Возрождения, Л. Бруни, Н. Макиавелли, гражданский гуманизм, государственный интерес.

Борьба передовых идей с устоявшимся мировоззрением являлась одной из самых характерных черт эпохи Возрождения. В традиции Возрождения прослеживаются течения, различные как по идейному содержанию, так и по социально-политической направленности. Гуманистическая литература многообразна по жанру – это поэмы, басни, новеллы, аллегории, а также диалоги, трактаты, речи, письма, комментарии, хроникальные заметки и исторические сочинения. Жанровые особенности не создают серьезных препятствий для содержательной интерпретации гуманистических текстов. Даже в диалогах, где сопоставляются подчас резко отличные друг от друга точки зрения, авторская позиция вполне уловима. Нередко диалог являет собой облеченный в живую разговорную форму трактат. Порой небольшим трактатом становится и письмо. Эпистолярный жанр отличается четкой публицистической направленностью.

В речах же особенно ясно проступала практическая ориентация гуманистической мысли, актуальность выдвигаемых ею политических вопросов. Античные традиции, столь заметные во многих жанрах ренессансной

литературы, разительно отличали ее от сочинений средневековых схоластов и теологов, однако не сковывали самобытность её содержания. За обильными, в каждом гуманистическом сочинении, отсылками к античным поэтам и философам, за многочисленными примерами из древней истории, за антинизирующей формой самого произведения всегда различимо творческое лицо его автора.

Для современного этапа общественного развития характерно «возрождение» исторического видения воссоздания целостной картины общества на том или ином историческом срезе. Изучаются не только социально-экономические и политические закономерности функционирования общества на определенном этапе, но и общественно-политические идеи, методы познания ему присущие. Все более ощутимой становится потребность в комплексном подходе к истории общественной мысли, объединение усилий специалистов различных областей знания. Одним из главных и неотъемлемых компонентов такого мировоззренческого синтезирования является анализ истории политических идей, генезиса и логики развертывания политико-философского знания на определенном историческом этапе. Основным же его принципом, на наш взгляд, должна стать проблема человека и его оценочного отношения к действительности [22].

В свою очередь, как мы считаем, наиболее интересны для исследования переходные эпохи, свидетельствующие о принципиальных сдвигах в базисных и надстроечных отношениях. Таким поворотным пунктом в развитии общества является итальянское Возрождение – эпоха, характеризующаяся радикальной перестройкой как социально-политической, так и духовной жизни при переходе от средневековья к новому времени, когда политическое знание начало выделяться в относительно автономную область человеческого мировоззрения. Из всех сфер теоретической деятельности человека политическая мысль имеет наиболее тесную связь с действительностью, со всеми сторонами жизни общества.

Как уже отмечалось: «Ренессанс – это тема, интерес к которой не ослабевает со временем» [21, с. 395]. Несмотря на актуализацию, последнее время особенно, исследований ренессансоведов, тенденцию к структурной характеристике сложной и многогранной культуры итальянского Возрождения в целом и гуманизма в частности, свойственные как отечественной, так и зарубежной историографии, политическая мысль эпохи остается малоизученной.

В итальянском гуманистическом движении сформировалось несколько направлений. За одним из них, особенно энергично утверждавшим этико-политические идеи гражданского характера, в современной историографии

закрепилось название «гражданский гуманизм» (термин Г. Барона – *A.C.*) [30; 34]. Центральный его принцип – принцип общего блага – определил решение многих социально-политических проблем. Здесь доминировали идеи патриотизма, служения государству на любом поприще, идеи общественной активности, основанной на подчинении частных интересов граждан общему благу. Подчеркивалось, что именно республиканские порядки дают личности возможность наиболее полно раскрыть свои способности, что они наилучшим образом обеспечивают нравственное совершенствование отдельных граждан и общества в целом.

Родиной гражданского гуманизма не случайно стала Флоренция. Его социально-политическая идеология питалась принципами пополанской демократии, сложившейся во Флорентийской республике. В этом крупном центре экономической и культурной жизни Италии уже в XIV-XV вв. наметился процесс раннекапиталистических отношений. Главную роль в бурном подъеме экономики города играло пополанство (бюргерство – *A.C.*). Одержав победу в борьбе с феодальной знатью (грандами) и законодательно закрепив ее в «Установлениях справедливости» 1293 г., пополанство сделало их основой политического развития города-коммуны.

Однако в ходе социально-политического развития Флоренции в XIV и особенно в XV вв. принципы ее конституционного устройстве постепенно утрачивают свое значение. Обострение социальных противоречий (кульминацией здесь стало восстание чомпи 1378 г. – *A.C.*), эволюция пополанской республики к олигархии и тирании при Медичи, наконец, территориальные расширения Флорентийского государства в ходе экспансии, – все это оказало непосредственное влияние на формирование этико-политической идеологии гражданского гуманизма.

Гуманисты, как истые выразители самосознания итальянских горожан-пополанов, выступили против общепринятых в феодальном обществе аристократических представлений об исключительном благородстве дворянства и, стало быть, неблагородстве, нравственной неполноценности всех прочих людей. Они видят в рабе человека, призывают его пробудиться, но не предлагают какого-либо реального освобождения от этого рабского состояния, а лишь – нравственное возвышение над этим состоянием. Все люди потенциально равны, благородство доступно всем. Каждый – сам творец собственного счастья, благородства, собственной доблести.

Социально-политические идеи гражданского гуманизма основывались не только на обобщении современной итальянской действительности, но и на осмыслении античной этико-политической философии, Аристотеля и Цицерона, прежде всего. Тезис Аристотеля о социальной природе человека: «Человек

совершенствует свою природу, лишь живя в обществе» [25] – служил, в конечном итоге, обоснованием гражданской направленности этико-политической мысли гуманизма и всего комплекса знаний. В предисловие к своей «Политике» Аристотель пишет также: «Поэтому понятно высокое назначение науки, трактующей о благе не только индивида, но и общества в целом, государства» [25].

Второй «столп» – это Цицерон, точнее, его учение о государстве как высшей форме общечеловеческой справедливости, а также его нравственный идеал гражданина, подчинявшего свои частные интересы заботам об общем благе. Последователи гражданского гуманизма считали эту позицию исходной в своих теориях и практической деятельности. Не оспаривая тезис о Макиавелли как основоположнике новоевропейской науки о политике, нельзя не отдавать себе отчета в том, что огромные достижения мыслителя не могли не предварять соответствующие опыты его непосредственных предшественников.

Основные принципы гражданского гуманизма четко прослеживаются в творчестве выдающегося ученика Колюччо Салютати (О нем см.: [23] – А.С.) Леонардо Бруни (*Leonardo Bruni* из Ареццо, который называл себя *Аретинским* — *Aretino*) — (1370 или 1374 — 8 ли 9 марта 1444, Флоренция). Леонардо Бруни Аретино — гуманист, государственный деятель, философ и историк, переводчик греческих классических авторов. С конца 80-х гг. – он во Флоренции, где его учителями становятся Джованни да Равенна и грек Мануил Хрисалор, которому Бруни был обязан знанием греческого языка.

В 1405-1415 гг. (с перерывом) Бруни служил секретарем в папской курии. С 1415 г. он снова во Флоренции, которую более не покидает. В 1425 г. он получает гражданство, а с 1427 г. и до последних дней жизни занимает пост канцлера Флорентийской республики. Бруни оставил обширное творческое наследие, охватывавшее историю, моральную философию, политическую теорию, педагогику, филологию. Патриотические взгляды Бруни и его общественно-политическая позиция отразились в таких его сочинениях, как «Похвала Флоренции» и «Двенадцать книг истории флорентийского народа» [31; 32]. Поборник республиканского способа управления, занимал различные должности и посты на службе Флорентийской республике, в т.ч. рекордно длительный срок (17 лет) исполнял обязанности канцлера.

В античных политических теориях и историях городов-государств Бруни находил подтверждение своим общественным воззрениям и идеалам гражданской жизни. В переводе «Афинской политики» Аристотеля Бруни заявлял, что «первое место среди нравственных учений занимает учение о государстве и управлении им, т.к. эти учения направлены на благо всех людей» [32, с. 45]. Поскольку человек восполняет свое несовершенство

пребыванием в гражданском обществе, ему необходимо постигать политическую науку, и если прекрасно дарить счастье одному человеку, то насколько же прекраснее делать счастливым целое государство. С одной стороны, Леонардо Бруни утверждал, что какое-то благо тем божественнее, чем шире круг его действий. С другой стороны, непрестанно повторял, что все, выходящее за пределы стен родного города, его не интересует. Таким образом, патриотизм и общественное служение в интерпретации Бруни вполне соответствовали идеалам античного гражданина города-государства.

В одном из ранних своих произведений – в «Восхвалении города Флоренции» (1404 или 1405 гг.), написанном в жанре панегирика, Бруни рисует Флоренцию как некий идеал города-государства. «Велика слава этого прекраснейшего в мире города», – не устает он повторять, – «значительна его внешняя политика и военные предприятия, особенно те, что направлены на защиту независимости» [5, с. 9]. Но этот город достоин восхищения не только подвигами его граждан за пределами Флоренции, но также «...благодаря своему государственному устройству» [5, с. 9].

В политической структуре Флоренции гуманист усматривает разумное единство и гармонию. Основу этого порядка, по его убеждению, составляют свобода и справедливость. Нельзя не согласиться с Э. Гарэном, который видит в «Восхвалении...» Бруни не столько подражание классическим моделям, сколько серьезный политический документ, обосновывающий достоинство «малого государства» в пору усиления тенденций к централизации на Апеннинском полуострове [8].

В государственной системе города-республики Флоренции Леонардо Бруни акцентирует конституционные начала: магистратуры установлены для поддержания законности и правосудия, а в обязанности должностных лиц входит контроль за тем, чтобы в городе не могла возникнуть власть, поставившая бы себя над законами. Надежней гарантией против установления тирании служит, по его мнению, система выборности всех государственных органов, краткосрочность исполнения должностей (так члены высшего органа – Синьории – избирались на два месяца) и коллегиальность в принятии решений, когда «наличие большого числа суждений предотвращает ошибку» [5, с. 9].

«Три высшие коллегии», – подчеркивает Бруни, – «были неправомочны решать наиболее важные вопросы – многие из них выносились на обсуждение в Совет народа и Совет коммуны, что являлось «разумным и правильным» [5, с. 9]. Свобода и справедливость, заключает он, поддерживается, прежде всего, тем, что «ни один вопрос не может быть решен по желанию какого-либо отдельного лица вопреки мнению многих» [5, с. 10].

Дабы предотвратить возможные распри между гражданами – ведь более могущественные требуют для себя и больших прав, – на высшие судебные и военные должности приглашаются чужеземцы, которые отчитываются перед народом (на самом деле, только перед полноправными гражданами – А.С.). «Таким образом, во всех делах властвует народ и свобода» [5, с. 10], – заключает он. Леонардо Бруни не обходит и постановку острых социальных вопросов, но решает их в духе своей идеализации флорентийских порядков. Гарантия социального мира, полагает он, в совершенстве права и судебных институтов.

Во Флоренции же организация правосудия такова, что каждому обеспечено право собственности и свобода обращения в любую судебную инстанцию, вплоть до верховного трибунала. Бруни не без гордости пишет: «... жалобы против людей любого звания можно подавать в этом городе совершенно свободно» [5, с. 10], правосудие всегда готово прийти каждому на помощь. В роли справедливого судьи выступает сама государственная власть: если бедные терпят притеснения со стороны богатых, то на их защиту встает республика. Свобода, равенство и справедливость, царящие во Флоренции наполняют чувством гордости каждого её гражданина. В совершенном городе-государстве нравственно совершенны и его граждане: их отличает духовная красота, проявляющаяся в блеске языка и литературы.

Сочинение Бруни – гимн Флоренции, достойной преемнице Римской республики. Но если флорентийцы ведут свое начало от римского народа – «победителя и властелина вселенной», то получается, что по «наследственному праву» они тоже могут претендовать на господство над миром. На этом основании Бруни оправдывает все захватнические войны Флоренции, ведь она либо защищает свои владения, либо борется за их возвращение. Во Флоренции он видит предводительницу всей Италии: Флоренция – вторая родина для каждого итальянца. «Пусть никто не думает, что он лишен родины, пока существует город флорентийцев» [17, с. 53].

Нарисованный гуманистом идеал города-государства отражал настроения широких слоев пополанства, сумевшего одержать победу над грандами. Пополанство гордилось этой победой и видело в республике надежную защитницу своих политических завоеваний и благосостояния. Однако идеал, воссозданный гуманистом, был далек от реальности, и это со временем отчетливо осознал сам Бруни. В написанном спустя четверть века трактате «О флорентийском государстве» (ок. 1439 г.) он уже более беспристрастно оценивает государственный строй Флоренции, особенно если учесть, что в ту пору ожесточенная борьба за власть закончилась победой Медичи и республика постепенно утрачивала свои демократические свободы.

Проявляя политическую трезвость в суждениях, Бруни делает важный вывод: Флоренция идет по пути аристократизации правления, хотя ее государственная система в целом еще не утратила демократического характера. Гуманист еще может гордиться Флоренцией – пополанская республика по-прежнему остается его политическим идеалом, но реальная государственная практика дает о себе знать все больше. И Бруни как бы смиряется с этим. Сохраняя свою социальную позицию, он полагает, что внутренние противоречия должны отступить перед внешнеполитическими задачами государства. Особенно отчетливо все это выявилося в главном сочинения Бруни – «Истории флорентийского народа». Новаторская по содержанию, «История...» – крупный вклад в гуманистическую историографию.

Анализируя острые социально-политические конфликты во Флоренции XIII-XIV вв., Бруни стремится доказать, что главным содержанием исторической судьбы этого города-государства была борьба за свободу. При этом все его симпатии на стороне пополанства. Он сочувственно пишет о неоднократных попытках средних слоев города захватить власть и уменьшить влияние грандов. Высоко оценивает утверждение, в ходе ожесточенной борьбы, пополанской конституции 1293 г. и последовавшее за этим демократическое развитие республики. В то же время Бруни решительно осуждает восстание чомпи, одной из целей которого было расширение рамок гражданства и увеличение представительства низших слоев города в управлении государством.

Основа мировоззрения учёного — вера в безграничные творческие возможности человека и его извечное стремление к добру. Бруни также проповедовал идею всестороннего развития личности и осуждал аскетизм. В политической позиции гуманиста четко проступают интересы состоятельных горожан, представителей среднего и высшего слоев пополанства, исключая ту его прослойку, которая тяготела к нобилитету. Для этих социальных слоев конституция Флоренции с ее принципами свободы, равенства и справедливости имела значение некоего противовеса в борьбе с олигархическими притязаниями знати и части пополанской верхушки, с одной стороны, и плебса – с другой.

Сочинения Леонардо Бруни Аретино, особенно его «История флорентийского народа», оказали очень заметное влияние на общественно-политическую мысль его времени. Идеи гуманиста служили обоснованию государственной практики республики, о чем, в частности, свидетельствуют речи флорентийских магистратов, в которых часто встречаются прямые или скрытые ссылки на Бруни, а многие его тезисы даже стали расхожими истинами. И наконец, характеристика политических взглядов Леонардо Бруни была бы не полной, если не отметить еще одну деталь. В своем трактате «О военном деле» он еще за 80 лет до Макиавелли указал на необходимость создания в Италии национальной армии в противовес бандам наемников-кондотьеров.

И все же согласимся с Антонио Грамши. В своих «Тюремных тетрадах» он пишет: «До Макиавелли политическая наука выступала в форме, средней между схоластическим трактатом и утопией» [9, с. 307]. По-настоящему политическая теория родилась в творчестве Никколо ди Бернардо Макиавелли. «Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным исследователем нового времени» [28, с. 346].

Макиавелли (Макьявелли, *Niccolò di Bernardo dei Machiavelli*; родился 3 мая 1469 г. во Флоренции, умер 21 июня 1527 г., там же) — мыслитель, философ, писатель, политический деятель — занимал во Флоренции пост секретаря второй канцелярии, отвечал за дипломатические связи республики, автор военно-теоретических трудов. Выступал сторонником сильной государственной власти, для укрепления которой допускал применение любых средств, что выразил в прославленном труде «Государь», опубликованном в 1532 г.

«Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться в гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу» [3, с. 128]. Эти слова практически завершают небольшое вступление, предваряющее трактат «Государь», который Никколо Макиавелли преподнёс в дар правителю Флоренции Лоренцо II Медичи. С того времени прошло без малого 500 лет, так и не сумевших стереть из памяти людской имя человека, который написал учебник для монархов всех времён и народов.

Современная Макиавелли Италия переживала глубокий политический, социальный и экономический кризис. Последние десятилетия XV в. были свидетелями всевозрастающих осложнений во внутренней жизни и международном положении страны. Надвигалась рефеодализация. Все крупнейшие итальянские государства лихорадило. В 1494 г. флорентийцы прогнали Медичи и возродили у себя республиканский строй. Однако уже в 1498 г. она ещё раз сменила политический режим, затем в 1502 и в 1512 гг. Между 1499 и 1512 гг. в Милане 4 раза появлялась новая власть. В 1509 г. Венеция оказалась на краю гибели. В Риме царили бесконечные смуты. Неаполь не раз переходил из рук в руки.

Ни один государственный строй в Италии — ни тирания, ни королевство, ни республика — не казался надежным и прочным. В то время как Франция и Испания превращались в мощные абсолютистские государства, культурная и всё ещё очень богатая Италия утрачивала не только гражданские свободы, но и национальную независимость. «Установление иностранного господства на полуострове в XVI в. вызвало ответную реакцию: возникло национально-демократическое направление Макиавелли, выражавшее одновременно скорбь

по поводу потерянной независимости..., и вместе о том, – зародившееся стремление к борьбе за восстановление независимости в исторически более высокой форме – в форме абсолютной монархии по типу Испании и Франции» [9, с. 307].

В приморских городах чувство неуверенности в завтрашнем дне усиливалось, сверх всего, ещё и турецкой агрессией, от которой уже в 60-70 гг. XV в. страдали Венеция и Южная Италия. Началом конца для Италии стал 1494 г. Походом французского короля Карла VIII на Апеннины открывается в этом году 65-летний период итальянских войн, когда французские и испанские солдаты, швейцарские и немецкие наемники грабили и опустошали из конца в конец всю страну. Ни миланский герцог Лодовико Моро, ни папа Александр VI Борджиа, ни правительство Венеции не им ни малейшего сопротивления. «Все постоянно толкуют об Италии, – иронизировал Моро, – а между тем я её никогда не видел» [10, с. 16].

Рассчитывая округлить собственные владения за счет соседа, все они слепо и беззастенчиво торговали землями, кровью и свободой всего итальянского народа. В этих условиях идейное размежевание внутри итальянского гуманизма в XVI в., наметившееся уже ранее, приняло особенно резкие формы. Писателям Возрождения приходилось теперь либо сознательно закрывать глаза на бушующие вокруг них политические вихри и, спасаясь от страшной реальной действительности, искать спасения в гавани «чистой поэзии», либо, развивая и актуализируя этико-политические концепции Петрарки, Салютати, Бруни, Понтано, стремиться обуздать невиданную бурю национального кризиса с помощью утопии.

Макиавелли пошёл по иному пути. Его произведения, отражая глубочайший кризис итальянского общества на рубеже XV и XVI столетий, сами по себе отнюдь не являлись выражением кризисности ренессансного миропонимания. Ни в одном из них невозможно обнаружить панической растерянности пред хаосом бытия. Автор «Государя» верил в конечное торжество разума. Эту веру питала связь его с наиболее передовыми элементами итальянского общества. Именно политическая мысль Макиавелли, даже при всём его типично гуманистическом презрении к «черни», явилась, по словам Антонио Грамши, одновременно и отрицанием гуманитарно-филологического Возрождения XV в. и утверждением «политической и национальной необходимости нового сближения с народом» [9, с. 286].

Литература о Макиавелли и его политическом учении столь обширна, что в ней в пору и заблудиться. Тон этих работ самый различный: и прямое и полное охаивание и не менее прямая и полная апологетика. Общеизвестно, что Макиавелли был неимоверно честлюбив, прагматичен и циничен. Но этот

«злодей», которому приписывают выражение, что «цель оправдывает средства» [24], был человеком честным, трудолюбивым, наделённым поразительной интуицией и умением радоваться жизни. Этот человек заслуживает гораздо большего внимания, он интересен уже тем, что ему довелось родиться во Флоренции времён эпохи Возрождения.

К наследию великого итальянского гуманиста обращались и обращаются историки, юристы, исследователи литературы, самые различные теоретики. Литература о Макиавелли началась с Франческо Гвиччардини, точнее с его трактата «Размышления по поводу рассуждений Макиавелли о первой декаде Тита Ливия». Затем церковниками, главным образом Антонио Поссевино, был создан миф «...о республиканце, продавшемся тиранам своей родины и научившим их способам и приёмам укрепления их владычества под условием поправа религии и нравственности...» [13, с. 376]. Над разрушением созданной ими легенды в разное время и с разным успехом трудились Фрэнсис Бэкон, Жан-Жак Руссо, Гегель, Джузеппе Мадзини, Франческо де Санктис. Огромная заслуга здесь принадлежит Антонио Грамши, разработавшему стройную концепцию творчества автора «Государя».

Говоря о так называемом «макиавеллизме», можно вполне согласиться с В.И. Рутенбургом, который подчеркивает, что он был ...«плодом пересадки некоторых элементов концепции Макиавелли на почву новых эпох. Литературные хитросплетения, составленные в результате этой трансплантации, состоят из обрывков иногда искусственно, а нередко случайно подобранных положений из его произведений, весьма далеких от подлинного Макиавелли» [19, с. 116]. Эксплуатация этого пресловутого «макиавеллизма» продолжается и по сей день. Некоторые теоретики усматривают в его концепции власти прежде всего насильственный аспект. По нашему мнению, это продолжение линии «Анти-Макиавеля» Фридриха II Прусского, где Макиавелли – «мастер зла». В связи с этим его выдают нередко за основоположника теории «политики с позиции силы», особенно распространено это среди исследователей международных отношений. (Американец Р. Арон, например, – А.С.) [22].

Некритическим перенесением взглядов Н. Макиавелли на современность «блистает» в своих «трактатах» англичанин А. Сидней. Доходит и до анекдотических случаев. Вот что написал в одной из своих книг апологет США Л. Штраус: «Америка – единственная страна, которая базируется на открытой оппозиции принципам Макиавелли». Жупел макиавеллизма, жупел угрозы с Востока, «мастер зла», «империя зла», – как много созвучного в этих словах. Сходство здесь не случайно. В обоих случаях на первый план безапелляционно выпячивается насильственный аспект. Апофеозом этого отождествления звучит следующий газетный штамп в исполнении британской «The Financial Times»:

«Кремлевский Макиавелли привел Россию к катастрофе» [36]. Обвинениям в «макиавеллизме» подвергается современный российский президент.

Отечественное изучение наследия Макиавелли, начатое в нашей стране А.К. Дживелеговым и В.М. Максимовским в начале 30-х гг., возобновлено и успешно развивается. Свидетельство тому – издание основных произведений Макиавелли, сопро-вожденное обстоятельной статьёй К.М. Долгова [11], открывающей новые и широкие перспективы. Среди наиболее значимых исследований хотелось бы выделить фундаментальную статью В.И. Рутенбурга «Жизнь и творчество Никколо Макьявелли» [19]. И его же очерки «Мор и Макьявелли», «Макьявелли и Гвиччардини», «Макьявелли и Леонардо», вошедшие в уже цитированную книгу «Титаны Возрождения». В советское время вышли также статьи Л.М. Баткина, М.А. Юсима, Р.И. Хлодовского, а также сильно беллетризованная монография Ф. Бурлацкого «Загадка и уроки Никколо Макиавелли» [28; 6], во многом, в своём роде, замечательная. В свою очередь и мы предлагаем свою версию исследования социально-политических взглядов Никколо Макиавелли.

Как уже говорилось, Никколо Макиавелли – выдающийся мыслитель эпохи Возрождения, основатель новой политической науки. В течение 14 лет (1498-1512) он занимал высокий пост секретаря Флорентийской республики. После свержения в конце лета 1512 г. республиканского правительства (которое Макиавелли тщетно пытался спасти, создавая народное ополчение) и восстановления тирании Медичи он был подвергнут опале. Отстраненный от должности, он обратился к литературному творчеству и написал свои знаменитые произведения: «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции».

Макиавелли порывает с религиозным мировоззрением и резко выступает против теологических представлений о политике. Фортуна (судьба) у Макиавелли – это не средневековое божественное предопределение, а объективная историческая необходимость и закономерность. В полном соответствии с гуманистическими принципами Возрождения он считает: «Чтобы не была потеряна свободная воля, можно полагать правдой, что судьба предопределяет половину наших действий, а другой половиной ... она предоставляет управлять нам» [12, с. 139].

Макиавелли отстаивает человека-борца, человека-творца, идущего наперекор судьбе. «Фортуна, подобно реке в половодье, разрушает только то, что не имеет силы» [12, с. 139]. Она любит показывать свою власть тогда, когда в людях нет мужества. В результате разрыва с религиозным мирозерцанием (религию Макиавелли рассматривает всегда чисто прагматически) он обосновывает политику как опытную науку. «Бесполезно, – говорит гуманист, –

возражать мне авторитетом каких-либо писателей» [12, с. 140], – и призывает обратиться к фактам действительности.

Обоснование политики как опытной науки явилось большим ударом по теологии и схоластике. Не действительность подгонять под канонизированные схемы, а, наоборот, на основе познания реальной действительности выводить работающие политические принципы и в соответствии с ними творить политическую историю. В этом заключается глубоко прогрессивный характер методологии Макиавелли. Отбрасывая религиозно-схоластические догмы и феодальные схемы, Макиавелли стал соединительным звеном между античной и современной политической наукой.

Интересна социальная позиция Макиавелли. Вот как он обличает господствующий класс феодального общества в своей книге «Рассуждения о первой декаде (или – на первые три книги – А.С.) Тит а Ливия»: «Дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране» [2, с. 248]. Решительно выступая с популярических позиций против «непомерного честолюбия дворянства», Макиавелли считал, что обуздать это дворянство под силу только монарху. Тут отразилась надежда на абсолютного государя, которая была характерна для молодой, поднимающейся, но ещё не способной на борьбу за полное уничтожение феодализма буржуазии.

Макиавелли резко порицает оплот феодализма – римско-католическую церковь. «Наша религия, если и желает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Это учение обессилило мир и предало его в жертву мерзавцам. Когда люди ради рая предпочитают переносить всякие обиды, нежели мстить, для мерзавцев открывается обширное и безопасное поприще» [2, с. 273]. Однако Макиавелли вовсе не считал, что необходимо отвергнуть религиозные верования. Более того, он говорил о том, «как необходимо сохранять значение религии» для удержания в государстве согласия и доброго порядка. Сам он не был правоверным христианином, однако полагал, что правители государств «должны поощрять и поддерживать всё, что благоприятствует религии, хотя бы и считали все это обманом и ложью» [2, с. 160].

Римских пап Макиавелли ненавидит прежде всего за то, что они препятствовали созданию единого национального государства в Италии. Не будучи в состоянии объединять страну собственными силами, церковь в то же время не позволяла это сделать и другим. Таким образом, получается, что отсутствию государственного единства и связанными с этим отсутствием иноземными и завоеваниями «итальянцы обязаны никому другому, как церкви» [2, с. 160].

Создавая свою политическую концепцию, Макиавелли отталкивался от фактического материала, прежде всего, исторического опыта. Суть в том, что до него никто не давал такого глубокого политического анализа событий прошлого. Именно в этом смысле можно согласиться с автором «Государя», утверждавшим, что путь, им выбранный, не посещался до него никем. В книге «Государь» Макиавелли использует опыт истории, чтобы рекомендовать, «как должен действовать государь, чтобы заслужить хорошую репутацию»; «какой образ действий должен быть принят государем в отношении войск», «каким образом в государствах всякого рода можно определить степень своей силы» [2, с. 104, 105] и т.п. Отвечая на вопрос, почему король Неаполитанский, герцог Миланский и другие итальянские государи потеряли свои владения, Макиавелли, прежде всего, упрекает их в общей ошибке, заключающейся «в неимении достаточного числа войска», а затем в том, что «они навлекли на себя ненависть народа» и не сумели обезопасить себя от честолюбия своих вельмож» [2, с. 106]. «Пусть итальянские государи, которые после продолжительного владычества потеряли свои государства, не обвиняют свою судьбу, а пеняют на собственное ничтожество. Подобно большинству людей, во время затишья они не думали о буре и в спокойное время не предполагали, что обстоятельства могут перемениться» [2, с. 103].

Наиболее глубокий для своего времени анализ причин внутренних и внешнеполитических успехов и неудач выдвинули Н. Макиавелли в ранг крупнейшего представителя политической школы гуманистической историографии. Уроки истории, преподносимые Макиавелли, представлялись особенно поучительными, потому что основывались на учении о единстве и неизменности человеческой природы. Он считал, что «люди живут и умирают всегда сообразно одним и тем же законам. В своих делах люди почти всегда идут по проторенной уже дороге и действуют, подражая кому-либо или чему-либо» [2, с. 23].

«Мир сам по себе всегда оставался один и тот же, – продолжал он, – поэтому, чтобы знать, что случится достаточно проследить, что было» [2, с. 63]. «Все человеческие дела делаются людьми, (богу места уже не остаётся) которые имели и всегда будут иметь одни и те же страсти, и поэтому они должны давать одинаковые результаты» [2, с. 157]. Таким образом, историю Макиавелли рассматривает как результат сознательной деятельности людей и их свободного волеизъявления (политической деятельности).

Огромную роль в истории Макиавелли, подобно античным авторам, отводит личным качествам правителей. «Единственная прочная и верная защита для государя та, которая зависит от него самого и проистекает из его личной доблести» [2, с. 217]. Одна из своеобразных черт в политической доктрине

Макиавелли та, что корни успеха политических деятелей он видит а их умении приводить свой образ действий в соответствии с особенностями обстановки и в способности быстро и решительно менять этот образ действий при изменившихся обстоятельствах. «Одно и то же обстоятельство может иногда спасти, а иногда погубить государство» [2, с. 104].

Одной из причин гибели государей являлось то, что они не умели согласовать свои поступки с «требованиями времени» [2, с. 106]. Наряду с индивидуальными свойствами и политическим искусством исторической личности, у Макиавелли существенную роль играют и государственные учреждения, военный строй, а временами, и характер и острота классовых противоречий. В трактовке последних Макиавелли, несомненно сделал серьёзный шаг вперёд.

В своей «Истории Флоренции» он пишет о специфических, по существу классовых, интересах грандов (нобилей), среднего сословия (пополанов) и низов (плебса), а также о противоречиях нобилей и пополанов. При этом, вражда между знатью и народом рассматривается как «естественным образом существующая в каждом государстве» [1, с. 61, 85]. В замечаниях на первую книгу Тита Ливия Макиавелли писал, что «в каждой республике всегда бывают два противоположных направления, одно к пользе народа, другое – к выгоде высших классов...». Вражда эта основывается на стремлении народа жить по законам и противоположном стремлении знати повелевать. Поэтому, заключает Макиавелли, согласие между знатью и народом невозможно. В другом месте он даже признавал, что народные волнения могут играть положительную роль. Так, в Римской республике в результате смут были установлены «законы и порядки для пользы общественной свободы» [2, с. 192] и для укрепления могущества Рима.

Но завоевание власти народом не признавалось Макиавелли прогрессом. Он считал, что народовластие ведёт к полной распущенности. При народовластии «ни частные, ни общественные люди не внушали никакого почтения» [1, с. 91], и все наносили друг другу тысячи обид. Поэтому народовластие не может быть долговечным и сменяется монархией.

Формы государства Макиавелли рассматривает в зависимости от числа правящих лиц: единовластие, правление немногих и правление всего народа – и цели и качества функционирования данных форм. В этом аспекте он выделяет формы правильные: монархия, аристократия, демократия, – целью которых являлось общее благо и величие государствами. Неправильные: тирания, олигархия и охлократия, – в которых властители заботятся лишь о собственной пользе, попирают законы, игнорируют безопасность граждан и пренебрегают благом отечества.

Становление каждой из этих форм, на взгляд Макиавелли, есть результат определённого соотношения сил, участвующих в борьбе за власть. При этом гуманист обнаруживает элементы диалектических суждений. Так, возникновение единоличной диктатуры он объясняет неспособностью знати одержать народ собственными силами с помощью чисто аристократических учреждений. В свою очередь, народ в чрезвычайных обстоятельствах для сокрушения знати также взывает к диктатору.

Смену монархических, аристократических и демократических форм правления автор «Государя», вслед за Полибием, Аристотелем и другими древними авторитетами, рассматривал как «круг, в котором вращались и вращаются правления всех республик» (здесь: государств вообще – *A.C.*). Но в трактовке цикличности исторического развития государственных форм у Макиавелли есть известное своеобразие. В республиках «редко сохраняется столько сил, чтобы пройти не погибнув, несколько раз этот круг. Обыкновенно бывает, что среди этих переворотов республика, лишённая силы и руководства, делается добычей соседнего государства, которое управляется лучше, чем она» [2, с. 214].

Как мы уже отмечали, завоевание власти эксплуатируемым большинством Макиавелли не считал показателем прогрессивности развития общества. Более того, он даже считал, что зло тирании происходило в Риме (как и в других государствах) от «излишнего желания народа быть свободным и от излишнего желания аристократии властвовать». Однако подобные воззрения не были всегда однозначными. Во всяком случае, только что приведенное высказывание об «излишнем» желании народа быть свободным сочетались у великого флорентийца с приверженностью к республиканскому строю и свободе.

«Опыт показывает, что государства приобретают могущество и богатство только в свободном состоянии. Действительно, нельзя не удивляться, какого величия достигли Афины в течение ста лет после освобождения от тирании Писистрата. Но еще удивительнее величие Рима по освобождению от власти царей. Причины понятны, потому что величие государств основывается не на частной выгоде, а на общем благе. Между тем общая польза, без сомнения, соблюдается только в республиках» [2, с. 278]. Когда же вместо свободы воцаряется тирания, государство «всегда не только не идёт вперед, но даже падает» [2, с. 278]. В этой связи, мы считаем, вполне справедливо замечает В.И. Рутенбург, что «республиканско-синьориальное управление было идеалом Макьявелли» [19, с. 36], (т.н. смешанное правление), который, в то же время, был убежден в необходимости твёрдой власти в хорошо организованной республике.

По Макиавелли, единоличная диктатура необходима в чрезвычайных обстоятельствах, но при обычном течении дел власть одного вредна. Новый социально-политический порядок будет непрочен и недолговечен, если он рассчитан на единовластие. Но так как разногласия мешают массе создать новые хорошие порядки, то здесь требуется учредитель, устроитель, реформатор. Таковы основные положения макиавеллевского смешанного правления.

Никколо Макиавелли имел общую концепцию политического развития общества. Он вовсе не стремился к созданию какого-то нового устойчивого общественного строя. Напротив, в борьбе партий он видит основной принцип политической жизни. Так, борьба патрициев и плебеев в древнем Риме – нормальное явление, считает Макиавелли, причем за борьбой партий стоят, по его мнению, известные материальные интересы (правда, анализа их не делает). Равновесие в стремлениях аристократии к чрезмерной власти и народа к охране своих свобод обеспечивается принципом государственности. Во Флоренции же, считает гуманист, дух государственности подменен духом партийной борьбы, когда одна партия уничтожает другую.

Идеал Макиавелли – единство не только Флоренции, но и всей Италии. Он близко подошёл к понятию единой нации, указав на такие определяющие признаки, как единство территории и языка, и обуславливал этим необходимость политического единства Италии. Макиавелли считает, что если для объединения страны необходимо насилие и злодейство, то можно пойти и на это. Для объединения нужен сильнее человек (ренессансная сильная личность), способный довести дело до логического конца.

Чезаре Борджиа – государь-организатор, умный, жестокий, коварный политик – именно такой властитель нужен Италии в данный момент, заключает Макиавелли. Но это не идеальный правитель. Рассматривая в 8-й главе «Государя» разные формы монархии, гуманист рисует другие идеалы – это Траян, Марк Аврелий, Солон, Ликург. Макиавелли видит, что в современной ему Италии подобный идеал не осуществим, нужно пользоваться имеющимся материалом. И Макиавелли даёт советы «умному правителю» в духе сложившегося в то время противоречия между общечеловеческой моралью и реальной политикой.

Идея Родины у Макиавелли выше морали и закона. «Коль скоро речь идет об интересах Родины, не должно рассуждать, справедливо ли сие решение или несправедливо, милосердно или жестоко, похвально или зазорно; следует оставить в стороне всякие соображения и принять то решение, которое содействует спасению её жизни и сохранению свободы» [2, с. 41].

Государь – освободитель и объединитель – «может и не быть добродетельным, но непременно должен уметь казаться таковым или не

таковым, смотря по обстоятельствам» [2, с. 65]. «Можно заметить, что при управлении людьми их необходимо или ласкать или угнетать; мстят люди обыкновенно только за лёгкие обиды и оскорбления, сильный гнёт лишает их возможности мести, поэтому, если уж приходится угнетать, то делать это следует таким образом, чтобы отнимать у них всякую возможность отмщения» [2, с. 10]. Самый лучший и наиболее безопасный способ удержать покорённые области, которые до покорения пользовались собственными законами и свободными учреждениями – это разорить их. В «Государе» мы читаем, что «всякий завоеватель, не разоривший завоёванного государства, привыкшего к свободным учреждениям, должен впоследствии ожидать себе от него гибели» [2, с. 22].

Примечательна знаменитая XXVI глава «Государя» – «Призыв к освобождению Италии от варваров» – панегирик абсолютной монархической власти, которая одна способна освободить, объединить и преобразовать государство. Страна, с прискорбием констатирует Макиавелли, пребывает в жалком состоянии: раздроблена, разбита, ограблена, истерзана, унижена, без главы и без порядка. Она ждёт «нового государя», который дал бы ей новую форму, новые законы и учреждения во славу себе и народу. Для этого не было ещё времени более удачного, ибо сейчас в Италии, считает Макиавелли, нет недостатка в материале, которому можно придать любую форму. Для подобных революционных преобразований демократически-легальные институты не годятся. Без насилия старый порядок не сдаётся. Необходима, утверждает Макиавелли, единоличная диктатура, неизбежно кровавая, как временная переходная мера.

Идеологом такой диктатуры и явился Макиавелли. Объективно его теория способствовала укреплению абсолютизма (относительно прогрессивной для того времени политической формы) и решению назревших задач развития государственности, прежде всего, в интересах буржуазии. Под таким углом зрения и следует рассматривать отношение Макиавелли к средствам в политике. Коварство и насилие для него отнюдь не абсолютные ценности. Их использование оправдано лишь в целях объединения и преобразования государства в борьбе против реакционеров, не желающих разговаривать ни на каком ином языке, кроме языка яда и кинжала. Сила побеждается насилием. Жестокости, говорит Макиавелли, можно оправдать только тогда, когда они применяются однажды и для пользы подданных, если же они систематически используются для угнетения граждан, то им нет оправдания.

В условиях глубоких социальных и политических потрясений, которые переживала в XVI в. «первая капиталистическая нация» влияние идей Макиавелли трудно переоценить, оно чувствуется даже в сочинениях его

противников. Критически переосмыслив античных авторов (в первую очередь Аристотеля и Полибия), а также гуманистов XV в., Макиавелли создал свою теорию государства, положив начало новой политической науке. Идеи гражданского гуманизма вылились у него в учение о «государственном интересе». Макиавелли ввёл в оборот один из ключевых терминов политической науки – *stato* (государство). Государство в теории Макиавелли означает политическое состояние общества: отношения властвующих и подвластных, наличие соответствующим образом устроенной, организованной власти, юстиции, законов, военных сил.

Макиавелли вскрыл причину военной слабости итальянских государств – кондотьерство и настаивал на организации нацио-нальных вооружённых сил – гражданской милиции. Он рассматривает политику и государство «человеческими глазами», как дело рук человеческих, а не как ниспосланное свыше. Нарисованный им образ правителя сочетал в себе идеальные черты (служение отечеству и долгу, духовная сила и т.п., – *A.C.*) с реальными чертами итальянского властителя – тирана и кондотьера. Макиавелли – политик-реалист – впервые откровенно заявил, что способы правления зависят не только от личных достоинств государя, но и от той среды, в которой он действует.

Образ государя он создавал из материала, предложенного эпохой – веком ломки старых устоев и моральных норм, противоборства разных общественных укладов. Идеи Макиавелли служили интересам той части попопанства, которая пыталась активно помешать начавшейся рефеодализации, способствовать умиротворению и согласию итальянских государств. Макиавелли был, прежде всего, патриот, мечтавший увидеть Италию единой и могучей. Слово «Отчизна» было для него не пустым звуком. В письме к другу Макиавелли сказал, что «любит Родину больше, чем душу» [12, с. 147]. И это было правдой. Макиавелли отказался от многих заманчивых предложений, в том числе от возможности служить королю Франции: «Предпочитаю умереть с голоду во Флоренции, чем от несварения желудка в Фонтенбло» [12, с. 147].

Патриотизм, стремление вырвать страну из пут феодализма и церковного мракобесия позволили Макиавелли найти действительные для того времени движущие силы прогресса и предложить кардинальные, поистине революционные средства для преобразования старой системы. Одна из главных заслуг Макиавелли та, что политические явления он рассматривает в связи с борьбой социальных сил и партийных группировок, а также то, что он выступил с определёнными идейными позициями с критикой феодализма и расчистил фундамент для закладки современной политической теории и идеологии.

По мнению Макиавелли, максимально жизнеспособными государствами в истории цивилизованного мира были те республики, граждане которых обладали

наибольшей степенью свободы, самостоятельно определяя свою дальнейшую судьбу. Он считал независимость, мощь и величие государства тем идеалом, к которому можно идти любыми путями, не задумываясь о моральной подоплёке деятельности и о гражданских правах. Правитель своей целью ставит успех и процветание государства, мораль и добро при этом отходят на второй план. Макиавелли был автором термина «государственный интерес», который оправдывал претензии государства на право действовать вне закона, который оно призвано гарантировать, в случаях, если это соответствует «высшим государственным интересам».

К тому времени, когда Макиавелли создал главные произведения, гуманизм в Италии уже прошел пик своего расцвета. Влияние гуманистов заметно в стилистике «Государя»; в этом политическом труде мы можем видеть характерный для всей эпохи Возрождения интерес не к Богу, но к человеку, личности. Его учение – это не кабинетное умствование, а суровый и нелицеприятный, но в то же время правильный диагноз. Великий итальянец зовёт к действию, творчеству, свободе, к возрождению. Это была революция в политическом мышлении, проложившая пути от средних веков к новому времени. Пока существуют стратифицированное общество и государство «...с мощным репрессивным аппаратом власти ... до тех пор личность Макиавелли и его политическая философия будут оставаться в высшей степени актуальными» [11, с. 128]. По своему историческому содержанию политическое творчество гуманистов предстает как начальный этап генезиса новоевропейской политической доктрины, когда основные ее постулаты не были еще систематически изложены и в ряде случаев оформлены в концепции, а зачастую, не имели непосредственно политического смысла.

Никколо Макиавелли скончался 21 июня 1527 года, а еще через день его похоронили в церкви Санта-Кроче, ставшей флорентийским пантеоном. Рядом с ним там покоятся Микеланджело, Галилей и другие великие итальянцы.

Литература:

1. Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973.
2. Макиавелли Н. Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869.
3. Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982.
4. Макьявелли Н. Сочинения и письма. М.: АСТ, 2004. - 820 с.
5. Брагина Л.М. Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в. Культура Возрождения и общество. М., 1986.
6. Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. Драматург., ист. и

социол. новеллы. М., 1977.

7. Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. Пер. с итал. Т. 1. Спб., 1914.

8. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения: Избранные работы. М., 1986

9. Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М.: Иностранная литература. 1959.

10. Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Сочинения. М.-Л. Т. 1., 1934.

11. Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982.

12. История политических и правовых учений / Ред. Нерсисянц В.С. М., 1983.

13. Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 1. М., 1906.

14. Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. 4. СПб. 1914.

15. Макиавелли в России: Восприятие на рубеже веков / Сост. Э.Г. Азгальдов, И.А. Быстрова; Под ред. В.Т. Данченко, В.А. Скороденко, Ю.Г. Фридштейна; Науч. консультант П.Д. Баренбойм. — М.: Рудомино, 1996. - 144 с.

16. Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века: Статьи. Суждения. Библиография / Под общей ред. П. Баренбойма; Автор идеи и руководитель проекта П. Баренбойм; Отв. ред. Е.Ю. Гениева. М.: Рудомино, 2001. - 361 с.

17. Попова И. Ф. «Правила императоров» танского Тай-цзуна и «Государь» Н. Макиавелли // Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2003-2004 / Под редакцией акад. В.С. Мясникова. М., 2005. С.191-203.

18. Ракитская И.Ф. Политическая мысль итальянского Возрождения. Л., 1984.

19. Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973.

20. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. М., 1976.

21. Сопов А.В. Коммунальные традиции и гуманистическая концепция свободы личности // Science Time. - 2014. - № 7(7). - С. 395-401.

22. Сопов А.В. Некоторые выводы относительно политико-правовых взглядов итальянских гуманистов эпохи Возрождения в свете генезиса новоевропейского политического знания // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/09/38366>. (дата обращения: 09.10.2014).

23. Сопов А.В., Сопов М.А. Зарождение «гражданского гуманизма» в творчестве Колюччо Салютати // Основные проблемы общественных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (7 октября 2014). Инновационный центр развития образования и науки. Innovative development center of education and science. Волгоград. 2014. - С. 36-38.

24. Тененбаум Б. Великий Макиавелли: Темный гений власти: «Цель

оправдывает средства?». М.: Яуза, Эксмо, 2012. - 480 с.

25. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.

26. Эльфонд И.Я. «Восхваление города Флоренции» как источник для изучения историко-политической концепции гуманиста Леонардо Бруни // Проблемы всеобщей истории. М., 1976.

27. Эльфонд И.Я. Леонардо Бруни и греческая философия // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.

28. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

29. Юсим М.А. Этика Макиавелли. М., 1990.

30. Baron H. Humanistic and Political Literature in Florence and Venice at the Beginning of the Quattrocento. Studies in Criticism and Chronology. Cambridge: Harvard University Press, 1955.

31. Bruni L. Historiarum florentini populi. Bologna. 1926.

32. Bruni L. Commentarius rerum suo tempore gestarum. Bologna, 1926.

33. Gilben F. Niccolo Machiavelli e la vita culturale del suo tempo. Bologna, 1964.

34. Humanistisch-philosophische Schriften, hrsg. von H. Baron. Lp., 1928.

35. Rossi V. Il quattrocento. Mil., 1949.

36. The Kremlin Machiavelli led Russia to disaster // The Financial Times [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20140723/221831922.html#ixzz3OJQbo0Zq>